
РОССИЯ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Л.А. Лыкова

1915 ГОД В ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ПИСЬМА СОВРЕМЕННОКОВ

Лыкова Людмила Анатольевна – доктор исторических наук,
главный специалист РГАСПИ.

Предлагаемая читателю подборка архивных документов из отчета Департамента полиции МВД России о перлюстрации за 1915 год, хранящаяся в Государственном архиве Российской Федерации¹, достаточно ярко отражает настроение различных слоев общества в 1915 г. – втором году Великой войны.

1915 год был тяжелым для России. Чтобы вывести Россию из войны и пополнить свои ресурсы за счет русских оккупированных земель, Германия, перебросив крупные силы из Европы на Восточный фронт, решила направить главный удар против России. Немецкое командование прекрасно знало о слабых сторонах русской армии: фронт не получил в необходимых количествах ни снарядов, ни оружия, ни обмундирования, ни медикаментов. (Так, например, артиллерия фронта получала всего два снаряда в сутки.) В мае началось немецкое наступление. Ставка требовала одного – ни шагу назад. Но за полтора месяца боев Юго-Западный фронт был отброшен далеко на восток. Россия потеряла Львов, Перемышль; Западный фронт отступил на линию Рига – Двинск – Пинск. Войска оставили большую часть Галиции, Буковину, часть Вольни, Польшу с Варшавой, Литву, часть Латвии и Белоруссию. 5 сентября император Николай II возложил на себя обязанности Верховного главнокомандующего, а великого князя Николая Николаевича назначил главнокомандующим Кавказской армией. На Кавказском фронте русская армия потерпела поражение под Саракамышем.

Значение России в глазах союзников пошатнулось, но обойтись без нее Англия и Франция не могли. У России была самая многочисленная сухопут-

1. Ф.102. Оп. 265. Д. 1042.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

ная армия, перемалывавшая штыком и прикладом большую часть сил Четвертого союза. Войну на море вели союзники, а на суше в их боевых операциях были уже задействованы танки, сверхтяжелые орудия и другие новейшие средства массового поражения.

Русская армия составляла 52% всех сил Антанты, в высших сферах России ходила поговорка: Англия готова биться до последней капли крови русского солдата. Для России настали очень трудные времена.

Война вызвала изменения в русском обществе. Из писем представителей различных сословий ясно видно, насколько это волновало политическую ситуацию в стране, особенно роль Государственной думы. Общественность пыталась понять причины поражения Русской армии, нехватки снарядов, остро высказывалась по поводу неустойчивости экономической жизни в тылу, растущей дороговизны продуктов питания и т.д.

Несмотря на заметную в суждениях разных лиц сдержанность, вызванную установлением официального просмотра частной корреспонденции, т.е. военной цензуры, материал, собранный Особой частью в 1915 г., дает яркую картину напряжения всех сил страны и неизбежных при этом разногласий, споров, нареканий.

Общее положение

С самого начала 1915 г. в письмах отмечалось стремление к общему единению. Так, член Государственной думы Л. Велихов писал 2 января к Б.А. Велихову в Одессу: «Наш громадный плюс в наличии воли к победе. Монархически-патриотические идеи сейчас в воздухе так же, как в 1905 г. были революционные идеи. Новобранцы, запасные, ратники – все напереерыв сочиняют и поют единодушно и восторженно песни о царе Великом, об Орле Главнокомандующем и о славных “начальниках”».

...Благодаря запрещению продажи водки, на улицах нет почти нищих. Жены рабочих ликуют, все одеты, обуты и сыты, так как мужья не пьют и приносят деньги домой. Жизнь стала светлее, чище, красивее».

Однако другие подвергали сомнению это полное «единение». «Требования как на нужды войны, так в особенности на урегулирование внутренней государственной и народной жизни повышаются, – отмечал неизвестный автор в письме из Москвы 25 января к Л.Д. Котляровой в Азов. – Обнаруживаются все дефекты и отсталость нашего государственного строя. Вместе с тем усиленное охранение этого строя продолжается с неизменной строгостью. Малейший намек на попытку выразить надежду на внутреннее обновление моментально пресекается. А что случилось с Университетом. Политика недавних дней вытравила в нем все, что делало его гордостью русской науки и теперь это – мерзость запустения на святом месте».

А вот размышления о войне корреспондента из Нижнего Новгорода: «Война принесла громадную пользу. Страна отрезвела; война открыла нам глаза на наше рабство перед немцами. Правда, мы вместо немца посадим себе на шею кого-нибудь другого, но и то хорошо, что хоть смена произойдет», – читаем в письме И. Волковича профессору Н.М. Волковичу.

Письмо из Саратова А.А. Яковлевой в Москву: «Увидали, что русский народ, в лице Гос. Думы, далек от революционных шагов, вот и желают темные силы отбросить Россию назад к Средневековью. Изо всех уголков России только и доносятся вопль и стоны жертв административного произвола. С внешним врагом мы не сладим. Если будет сломлен после войны внутренний враг, – гораздо хуже всяких немцев, – то от войны мы только выиграем. Россия политически не подготовлена к войне, отсюда все неудачи. В России нет политических партий, а есть люди, желающие победы и люди победы не желающие; к этим последним относятся все “объединенные дворяне” и пр. реакционеры. К сожалению, сила в их руках. После войны русским “власть имущим” придется держать ответ за позор России».

Как писал неизвестный корреспондент редактору «Русского слова» в Москву: «В решительный момент власть увидит, что часы старого режима сочтены, ибо переполнится чаша терпения и армии, и страны, и чтобы спасти себя от неизбежной, окончательной гибели, оно даст желаемое расширение гражданских прав стране. Тогда вся страна примется за горячую работу для себя и враг будет сломлен».

«У нас полная анархия, – сообщал другой корреспондент 28 октября из Москвы Л.М. Лебедеву в Никольск-Уссурийск Приморской области. – За спиной слабого правителя низкие душонки обделяют свои личные дела. Реакционная гидра ширится, надувается, как спрут, обвил, заплел, опутал слабенького ребенка, будущего великана – Государственную думу. Страна как бы вымерла, упорно молчит. Реакционеры в глубине души отлично знают, что копь скоро будет подрастать народное детище, упование и надежда России – Гос. Дума, так они сами должны будут поджечь хвосты, ибо она не потерпит такого негодяйства на Руси. Нам не немцы страшны. Не будь своих подлых паразитов, своих внутренних врагов – две немецкие нации полетели бы вверх тормашками... Вернулся из плена бывший Варшавский губернатор барон Корф... Это тот Корф, после которого не досчитали в казне 2 млн. руб. и который, забрав русские миллионы, прямо поехал к немцам. Почему же это его немцы отпустили, а боевых генералов они крепко держат в своих цепких руках. Особенно удивительного не будет, если впоследствии узнается, что Корф был передатчиком визитных карточек Вильгельма и Николая II. Россия теперь представляет собою топкое болото. Как-то сам собой вытекает из жизни этой войны такой русско-жизнейский парадокс: русское правительство, вместе со своим Вождем, идет вместе с немцами на Русь».

«Правительственное маховое колесо не опирается на нацию и работает в воздух, – писал Г. Носар из Петрограда 17 ноября к князю П. Кропоткину в Брайтон, Англия. – Сейчас неважно, какое будет правительство – ответственное, парламентское или бюрократическое, но необходимо, чтобы оно перестало заниматься вермишелью, а все посвятило одному вопросу: доведению войны до победоносного конца. Внутренние реформы сейчас не что иное, как организация тыла в интересах войны. Но пока не видно даже провозвестников народного курса, национальной политики. Сменяются министры, раздаются новые декларации – а воз и ныне там».

«Тыловая работа вся состоит из писания, гнусной канцелярской волокиты, – писал неизвестный автор 24 ноября из Симбирска Ч.Н. Родзевичу в Одессу. – Русский человек совершенно неспособен к самоуправлению. Каждый член “самоуправления” тот же чиновник, но не обуздываемый правительственной дисциплиной. Личной инициативы никакой, полное нежелание работать. Нужен один на всю Россию кнут со многими хвостами, чтобы бить нерадивых, а у нас миллионы кнутиков, которыми ведомства взаимно перехлестываются... Войной у нас мало интересуются: торопятся набить карман. Православное купечество... без всякого патриотического настроения, в своей собачьей жадности доходящее до цинизма высших степеней».

«Неужели у нашего правительства и сейчас не откроются глаза, что только свобода делает человека, а рабство – только скота, способного действовать лишь по указке возжей, бича и палки, – жаловался неизвестный автор письма из Троицко-Савска от 14 марта к В.Н. Зайцеву в Петроград. – Неужели и сейчас опыт войны не докажет нашим охранителям, что только народ может быть оплотом государства. Только Игнатъев говорит хорошие слова, а немецкое землевладение будет ожидать следующей русско-германской войны. Сильна у нас еще немецкая партия».

«Будет ли правительство продолжать трезвое понимание Столыпина генерал-губернаторской власти как супер-арбитража в юридической оценке распоряжений других властей в областях административных и экономических, или же задача ее получила более ограниченный радиус, сводясь к замене сложного термина “управление краем” упрощенным термином “командования обывателями края”, – спрашивал автор письма из Уфы от 28 апреля к С.Н. Палеологу в Петроград. – Я понимаю, что во время войны должности Командующего войсками и Генерал-Губернатор слиты. Но во время мира это один из тормозов для того, чтобы население чувствовало себя под этой властью не только “приказывающей и наказывающей”, а в уверенности, что можно жить и давать жить другим, не беспокоиться за завтрашний день и в доверии в благожелательности власти. Только такая уверенность сделает поляков и галичан надежными подданными, ибо лишь при ней они увидят,

как много они выиграли, переменяв Владыку. Неужели умрет прекрасное зерно, насажденное Столыпным».

В назначении А.Н. Хвостова министром Внутренних дел член Гос. думы И.М. Гамов видел «перемену к худшему». «Министром Внутренних дел назначен крайний правый депутат Хвостов. Вот вам и новый курс, – писал он 1 октября из Петрограда к Л.М. Гамову в Благовещенск. – Правительство не обращает никакого внимания на общественное мнение и делами назначений по-прежнему ведают различные проходимцы Распутины, Варнавы и пр. Несмотря на это, внутри спокойно: все демократические организации скрепя сердце решили молчать до окончания войны. Все правительственные меры, раздражающие население, демократия считает провокациями в целях скорейшего заключения мира с Вильгельмом. Вызвав бунты и волнения, правительство может всю вину сложить на народ и заключить мир».

«Мы снова вступаем на опасный путь заигрывания с общественным мнением, – жаловался Н. Тальберг в письме из Петрограда от 20 июня к С.С. Онгирскому в Курск. – Путь этот в конце 18-го столетия во Франции и привел к эшафотам, а у нас в 80-х годах обогрился царственной кровью. Рано или поздно хмарь эта пройдет, но чего это будет стоить».

«Сознание величины событий очень смутно в народных массах, – писал С. Кондурушкин из Серноводска Самарской губ. 18 июля И.В. Гессену в Петроград. – Еще смутнее сознание опасности нашего поражения. Народные массы неподвижны и безвольны. Общество, не привыкшее к самостоятельности, в данный момент внушает мне меньше доверия, чем наше дурное правительство. Там есть хоть привычка “пасти стадо” и когда нужно “щелкать бичом”. Прошел год войны, а в стране нет даже самых общих единых сознаний, доступных и министру, и последнему мужику. Не верьте тем, кто скажет: нам все равно, пусть будут хоть немцы: это слова людей в раздражении на свое местное начальство. Планомерное осведомление об опасности этой войны могло бы в три месяца сделать Россию деятельной и единой».

Едва открылась сессия Государственной думы, как со всех сторон посыпались советы, как ей следует себя держать, какие начинания проводить в жизнь. Ожесточилась и критика каждого шага правительства.

«Гос. Дума должна говорить властным голосом, – писал Ф.А. Недоходовский из Ильинского Калужской губ. 20 июля члену Гос. Думы А.И. Шингареву в Петроград. – Всякие колебания губительны. Избирательный закон должен быть изменен. Скажут – не время теперь, но разве лучше сражаться никуда негодным оружием, способным привести к Цусиме и Мукдену».

О своем тяжелом впечатлении от заседания Государственной думы сообщали и другие корреспонденты. Даже один из ее членов А. Ладыжинский писал 26 июля Е.Г. Ладыжинской в Зубцов Тверской губ.: «Я убежден,

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

что нас совершенно зря вызвали в Гос. Думу. Дела никакого мы не делаем, да и делать-то нечего. Я по секрету спросил Поливанова, зачем нас собрали. Он ответил, что правительство опасалось раздражить депутатов, которые настаивали на созыве. Возможно, что Гос. Дума закроется раньше, чем все предполагали».

«Вернувшийся из Думы Щепкин вынес самое тяжелое впечатление от всей думской атмосферы, – сообщил Г. Алексеев в письме из Москвы от 27 июля к К.С. Алексеевой в Елисаветград. – Там царит полная растерянность, все думают только об одном, как бы поскорее разъехаться. Единодушия, конечно, никакого нет. А как только доходит до практических действий, так начинается полная разногласия. Милюков не решает проводить в жизнь выставленные им лозунги. В результате правительство чувствует свою полную силу и ни на йоту не меняет своего поведения».

«Здесь видишь лучшие стороны русских людей. Земство работает во всю – честно и умно. Зато тоска берет, когда прочтешь в газетах, что делается в Думе, – жаловался неизвестный корреспондент в письме из Новгород-Северска от 27 июля к Л.И. Шварцману в Москву. – Если бы оппозиция была честна, она сложила бы полномочия. Слова, расшаркивания – а воз и ныне там. Автономия Польши в такую минуту – стыд. Национальные истории еще хуже».

Слышны были также жалобы на растущие препятствия общему патриотическому порыву со стороны некоторых классов общества и правительства. Так, например, редактор газеты «Приамурье» Н.С. Арефьев писал 28 июля из Хабаровска члену Государственной думы А.Н. Русанову в Петроград: «Перед созывом Гос. Думы повеяло чем-то свежим. Заговорили об объединении, мобилизации сил. Спавшее общество стало пробуждаться, стала намечаться какая-то работа, патриотическая в лучшем значении этого слова. Столичная, а не провинциальная печать заговорила о том, что Дума должна услышать голос страны, искренний и откровенный. Но искренне у нас кажется крамольным, а единение понимают только в форме подчинения беспрекословно ближайшему городскому... Нет, не услышать Думе голоса земли, пока печать и голос общества будут так задавлены. А рабы победителями быть не могут. Мобилизация общественных сил превращена в фикцию, военно-промышленный комитет, комиссия по борьбе с дороговизной, вопрос о земстве – все в руках А.В. Плюснина и купцов, которые душат всякую живую мысль. Больно за это вопиющее непонимание требования момента, страшно за дело всей страны, попавшее в руки обскурантов, отрешивающихся от общества, от рабочих интеллигентных сил».

«Сейчас идет закрытое заседание Гос. Думы, – сообщил Д. Щепкин в письме из Петрограда от 28 июля к А.И. Щепкиной в Москву. – Критикуют весьма жестко, открылись уже глаза у правых, которые горячо аплодировали

Милюкову. Но все это меня мало радует, единение и единодушие только в военных делах, а как только вопрос коснется политики, так опять полное расхождение. Военный министр заявил, что последовало Высочайшее повеление о назначении особой следственной комиссии по делу о положении снабжения».

...«Народ городской зачитывается газетами и речами депутатов и участников съездов, – сообщал неизвестный корреспондент из Ельца 5 августа члену Гос. Думы Н.А. Ростовцеву в Петроград. – Одни разделяют резолюции и меры, предпринимаемые Думой, другие разделяют мнение думской оппозиции, третьи же, менее культурные, которых наши неудачи заставляют думать, ошеломлены и растеряны. Эта часть народа, пожалуй, самая большая, теперь задумалась, к какой партии ляжет их душа – я не знаю. Делайте все возможное, чтобы привлечь к делу строительства земли русской более широкие круги народа. Думе надо искать опоры в толще народа, а не в его искусственных верхах...»

«Несчастливая Россия, – восклицал один из членов Гос. Думы в письме из Петрограда от 7 августа к Е.Ф. Эккерт в Херсон. – От низа до верха предательство и продажность. Вы не можете себе представить ужаса слышать то, что предьявляется в Думе правительству. Факты сказочны по своему цинизму и предательству. Какая-то растерянность, потеря надежды на что-либо лучшее. Теперь Министерство, силой вещей, стало ответственным, да что в том толку, когда во главе министров человек хотя и достойный, но старый и немощный². Была надежда, что его сменят, но теперь узнали, что он остается и в этом многие видят залог революции».

Один из членов Гос. Думы отмечал в письме из Петрограда от 12 августа к А.Л. Купернику на ст. Хава, Юго-Восточных ж.д., что «...пока Дума не распущена, представители правительства несколько стесняются, а в момент, когда правительство совершенно потеряется, возможность чего не исключена, быть может, в этом собрании все-таки найдутся люди, которые не растеряются. Нельзя отрицать хорошего влияния Думы на повышение производства всего необходимого для армии. Но ни у кого нет необходимого подъема и действительного сознания важности момента. Никакой нет надежды на создание Министерства Народной Обороны. Правительство не понимает момента, интеллигенция смотрит на все как-то безучастно, словно дело не касается ее. Не видно здоровых созидательных элементов в стране. Зато изобилие кандидатов то в Минины, то в Пожарские. Я сердцем знаю, что не может погибнуть Россия, но, как ни оглядываюсь, не вижу, откуда придет спасение...»

2. Горемыкин И.Л. (1839–1917), Председатель Совета министров (апрель–июль 1906 и 1914–1916).

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

По мнению Я. Ростовцева, изложенному в письме из Лутошкина Тамбовской губ. от 11 августа к члену Гос. думы Н.А. Ростовцеву в Петроград, «...необходимо, чтобы лица, виновные в недостатке боевого снаряжения армии были отданы под суд и прогнаны со службы; чтобы был введен возможно скорее подоходный налог; введена теперь же мелкая земская единица; потребовать ответственности министров. Дума забывает, что страна левее ее. Будь выборы произведены более свободно от давления администрации, страна послала бы в Думу, в огромном большинстве случаев, более прогрессивных людей».

«Последняя надежда на вас, тлеющая в душе сотен тысяч людей не партийных, а обыкновенных обывателей, рассыпалась как пепел, – писал Н.В. Кривцов 11 августа из Житомира члену Гос. Думы Милокову в Петроград. – На кого теперь надеяться, если вы являетесь изменниками, предателями и трусами. Война проиграна и дальше вести ее немислимо. Раздавить немцев – глупая затея при таких правителях, которые, потеряв Польшу, обещают ей автономию. Ничего не давая, ничего не обещая, вы жертвуете нами, нашим имуществом. Если теперь вы бессильны вырвать виселицу для Сухомлинова³ и ответственного министерства, то на что вы нам. Мы хотим жертвовать, но желаем знать, что наши жертвы были не бесплодны. В ваших руках спасение России. Заявите в Думе, что вы уходите, если не будет дано ответственное министерство. Это подействует, это испугает, ибо теперь правительство сознает, что оно попало в тупик. Народ начинает роптать, слышатся угрозы. Вы, живущие в городах, не понимаете, что зреет в душе народно. Будет хуже, будет нечто кошмарное. Зачем вы поддерживаете обман правительства. Сложите с себя полномочия. Пусть лучше Россия погибнет без вашего участия».

«Глубоко прав Чхеидзе⁴ утверждая, что всему наступает конец, когда вместо игнорируемой правительством социал-демократической партии запросы о беззакониях начнут поступать непосредственно из армии, – писал Н. Грибов из Нахичевани н/Д. 11 августа члену Гос. Думы М.С. Воронкову в Петроград. – На днях мы уже пережили моменты ужаса, когда призванная на службу молодежь и ее родители в трезвом виде выкрикивали на улице слова: “кровопийцы, изменники, предатели” и т.д. Провалили вопрос об ответственности министров, а в умах публики он занимает главное место как логическое следствие создавшегося положения».

3. Сухомлинов В.А (1847–1926) – генерал от кавалерии Русской армии. До 1915 г. военный министр. После революции эмигрировал в Финляндию, затем в Германию.

4. Чхеидзе Н.С. (1864–1926) – депутат 3–4-й Гос. думы. Член социал-демократической партии. С 1912 г. в эмиграции.

«Здесь возбуждение и подъем растут, – сообщал член Гос. Думы С. Волконский 11 августа из Петрограда А.Н. Губареву в Москву. – Общее положение таково: значительный подъем значения кадетов и сильный упадок правых, с которыми уже не считаются, тем более что фактически истинными патриотами оказались, по числу понесенных потерь усердию, не правые, а именно кадеты. Особенно сильно разочарование в правых крестьянах. Менее всего заметен подъем в полах. Это самое эгоистическое и бездушное из всех сословий».

«Все надежды возложены на Гос. Думу, но она едва ли оправдывает их, – писал член Гос. Думы Благодеров 14 августа из Петрограда К.И. Любимову в Пермь. – Результатов не видно, хотя работаем и по будням и по праздникам. В Петрограде жизнь идет как до войны. Только Синод взволновался и постановил всероссийский трехдневный пост. Шутники. Членам Синода лучше было бы самим понаблюдать за собою, как они соблюдают посты и во что обратили православие и Св. Таинства».

«Прения Гос. Думы приводят в уныние народ. Влияние этих споров и всяких разоблачений удручающе действуют и на солдат, находящихся в лазаретах, – жаловалась Н. Гончарова в письме из Лопасни Московской губ. 15 августа к М.В. Родзянко в Петроград. – Кончатся беспорядками внутри страны, чего так жаждет немец. Неужели наши депутаты не видят, что становятся изменниками. Уже объявление о том, что у нас снарядов нет – было ужасно. Неужели вы бессильны что-либо сделать, чтобы распустить Думу, раз ее нельзя вразумить».

«Большинство Думы против роспуска и даже перерыва, – сообщал член Гос. Думы протоиерей П. Покровский 27 августа члену Гос. Думы Протоиерею П.М. Звереву на ст. Казаки, Юго-Восточных ж.д. – Рабочие чуть не открыто говорят, что раз Дума разъедется, то на завтра же пойдут забастовки, от которых один шаг до революции. Особенно в теперешнее время они говорят, что в Думе только находят себе защиту, а министрам не верят. За роспуск до половины октября или даже ноября стоят правые и оставшиеся националисты».

Из дальнейших писем видно, что программа прогрессивного блока поставила в затруднительное положение самих ее авторов и далеко не удовлетворяла всех ее принявших, не говоря уже о посторонних корреспондентах. Были и жалобы на отсутствие энергии у правительства, а в других письмах, наоборот, отмечалось, что оно упорно отстаивает свои позиции.

«Правительство невозможно слабо, – жаловался член Гос. Думы А.Н. Мотовилов в письме из Петрограда от 30 августа к А.А. Мотовилову в Симбирск. – Горемыкин стар и безразличен, согласия в Совете Министров нет, а кадеты, пользуясь этим, образовали блок и состряпали такую программу, гаже которой не придумаешь. Кроме того, составили списки министров

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

из кадетов, а роспуск все еще откладывается и отпуски не разрешаются. Мне приходится разъезжать по министрам и уговаривать их по вопросам тактики».

«Я переживаю острые тревоги и тяжелые душевные волнения, – писал В. Зверев 2 сентября из Петрограда графу С.Д. Шереметеву в Москву. – Еще тревожнее стало на душе, когда Гос. Дума начала свою вакханалию под флагом спасения России от внешнего врага... Но главный ужас в той быстроте, с которой распространяется революционная психология. Каждая провинциальная Дума, каждый военно-промышленный комитет, каждое биржевое общество превращается в какие-то законосовещательные учреждения, которые переходят уже к угрозам, намекая на самого государя императора. Рядом с законом и безвольным правительством и помимо Гос. Думы растет другая власть, на сторону которой все более переходит точка зрения масс. Обратите все свое внимание на эту страшную опасность и сделайте все от вас зависящее, чтобы спасти государя и Россию».

После роспуска Гос. думы, в письме из Орла от 4 сентября к М.А. Стаховичу в Петроград, высказывались опасения, как бы этот роспуск не вызвал нежелательных последствий: «То, что сейчас в деревне происходит, несравнимо с тем, что было десять лет тому назад. Газеты читают и за политикой следят поголовно все. Кроме того, деревня питается самыми невероятными слухами, из которых доминирующий – о немецком засилье в Петрограде».

«Правительство наше здорово спасовало, закрыв Думу, которая со всеми социал-демократами показала себя патриотичнее правительства, – находил корреспондент князя Гагарина, писавший ему 6 сентября из Петрограда на ст. Завидово, Николаевский ж.д. – Начались забастовки на Путиловском и других заводах, но пришло приказание под печатью социал-демократов продолжать работать усиленно для спасения России и опять заработали. Ничем не реагируют на роспуск Думы, чтобы не подымать страну против правительства».

Г.Д. Крепенский в письме от 12 сентября из Петрограда к Ф.Н. Шипову в Москву считал перерыв в занятиях Гос. думы «большой и опасной ошибкой». «Ужасная война, – писал он, – и страшные испытания, переживаемые Родиной, потеря близких, разорение и ужасный припев “снарядов нет” – все это довело нервы до высшей степени болезненного напряжения, с которым нельзя было не считаться. При таких условиях надо было посмотреть сквозь пальцы на болтовню, блоки и т.д., так как большинство Думы было очень умеренно и патриотично настроено, совершенно отмежевалось от крайних левых и было бы вполне удовлетворено, если бы с ним поговорили, обещали обсудить в будущем их пожелания – словом, дали бы им немного утехи. Вместо этого Думу закрыли даже до окончания обсуждения внесенных в нее

законов, дали им основание обидеться, а от обиды до полного пренебрежения жизненными интересами страны и до намеренного вреда им – один шаг. Тот, кто решился на этот шаг, мог страшно отягчить царю его и без того тяжкое бремя».

Целый ряд корреспондентов придерживался противоположного мнения, радуясь роспуску Думы, который они находили необходимым.

«Слава Богу, распустили Думу, – писал Н.Н. Любавин 4 сентября из Москвы И.Н. Любавину в Петроград. – Хотя два месяца будет безмолствовать это ядовитое гнездо. По-видимому, желтый блок этого не ожидал. По всей вероятности, до думцев дошел слух, что их подозревают в форменной измене: кто-то из членов блока убедительно просил Родзянко довести до сведения государя об их лояльности.

Однако существование измены в Гос. Думе весьма возможно. Главою желтого блока является Миллюков, получивший несколько лет тому назад от финляндцев 250 тыс. марок; изболничить его в подкупе, конечно, будет нелегко. То, что делалось в Думе, явно направлялось к бунту, а всякому неодоураченному человеку понятно, что это увеличило бы шансы окончательно победы немцев. Разумеется, далеко не все члены желтого блока подкуплены; большинство примкнуло к затеянной интриге просто по глупости».

«Произошло то, что я предсказывал при первых же слухах о досрочном созыве Гос. Думы, – писал Н. Тальберг 5 сентября из Петрограда С.В. Прутченко в Б. Мурашкино Нижегородской губ. – Начнет она патриотически, затем пойдут революционные речи, и когда захотят ее распустить – подымет скандал. В течение двух месяцев страна революционировалась: левые говорили возмутительные речи, Мирабо-Родзянко им не мешал, речи печатались, и эти узаконенные прокламации разбрасывались по всей стране. Успех оказался поразительный: война была забыта и началась борьба с царским правительством. Программа прогрессивного блока могла быть составлена только в Берлине. Антидинастическая пропаганда началась в печати. Казалось, все было кончено. Но заговорила совесть у старика Горемыкина, он имел мужество сознаться в своих ошибках и упросил прервать революционную работу Думы. Связи, существующие между последней и революционными организациями, явно обнаружались. Забастовали заводы и “демобилизация” промышленности проведена успешнее, чем мобилизация. Там были резолюции и речи, тут же прямо дела. Если правительство железной рукой сможет подавить это движение и само сосредоточить все свое внимание на войне, то мы отразим врага».

Некоторые корреспонденты оправдывали Гос. думу и надеялись, как например П.П. Бронский, в письме из Твери от 5 сентября к Н.Н. Бронской в Петроград, что «левым министрам» удастся свалить Горемыкина и с помощью бюро думского блока создавать новую общественную власть... «А сейчас

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

грабят русский народ хуже немцев. Грабит московский купец со своими приятелями банками, синдикатами и товариществами, где он хозяин и желанный гость, а вся Россия для них безмолвный батрак. Страдает только простой народ, оставляя свою хату, корову и несчастную десятину земли. Верховные правители никак не решаются издать закон ясный и решительный, как изгнать немцев из России, удалить навсегда от хозяйничанья в России. На юге землевладельцы в унынии, что делать с хлебом, а сверх и все города не знают, откуда достать хлеб. Масса лесов, каменного угля, картофеля, кукурузы, скота, соли, сахара, сибирского масла – и города в холоде и голоде, даже без керосина, бензина и нефти. Вагонов нет – ложь! С передовых позиций возвращаются тысячами пустые вагоны и можно бы по пути доставлять все для первой необходимости всюду и везде. На порядочных станциях начальники за вагоны в месяц получают взятки до 20 тыс. Где контроль власти? Как бы ни шумела Гос. Дума о ее роспуске, но ведь это – выборные от земства, кумовством, сватовством, лукулловскими обедами и попойками; и она тоже хороша, как и министры! Для Галиции куплено было на 600 тыс. рабочих лошадей и на миллион хлеба весной на помощь населению. Этим ведало земство, которое все размотало, а отчета пока никакого. Вот и выборные. Прохвосты! Нам следует помнить, что мы сами дрянь. Амбиции много, а порядочность мизерна».

...В другом письме из Москвы от 5 марта к А.М. Ворошилову в Варшаву автор горько жаловался на отсутствие «сознательной работы» в тылу. «Ее нет и не предвидится, – писал он. – Внутри идет неурядица. В Сибири мясо гниет, а столицы голодают. Требуются целые массы рабочих на такие работы, как добывание каменного угля в Донском бассейне, а мы гоним пленных австрийцев в далекую Сибирь. Всякие производства сокращаются, разгорается спекуляция, против которой не принимается никаких мер. Нужно адское напряжение ума и воли, а «они» занимаются распространением брошюры, в которой доказывается, что Германию не нужно разрушать, так как она является оплотом строя. Иногда доходит до такого состояния, что начинаешь думать, какой же смысл имеет война? Уж не насмешка ли все это? А на войне? Разве не ужасно дело Мясоедова?»

«Если верно сообщение о фальсификации у нас аптекарских продуктов, – писал Г. Павлов 30 марта из Красноярска в редакцию “Русского слова” в Москву, – то это наводит на мысль о казенной монополии изготовления и торговли медикаментами. Предприятие это дало бы процент чисто “аптекарский”, да и народу была бы от этого большая польза. Конечно, такая идея встретит массу врагов, но через это должно перешагнуть. И странное дело: спаивание народа делалось у нас на счет казны, а вот врачевание его оставлено в руках гешефтмахеров, авантюристов и шарлатанов. Доход же от такой монополии был бы, наверное, гораздо больший, чем от винной монополии».

После отступления нашей армии из Галиции вследствие отсутствия снарядов, усилия поставить отечественную промышленность на надлежащую высоту были направлены прежде всего к оборудованию заводов, способных производить все необходимое для армии.

«Мобилизацию всех технических сил страны надо было сделать сразу (с 20 июля прошлого года), – указывал Н. Дроздовский в письме из Райволы, Финляндия, к матери О.Н. Дроздовской в Одессу. – Но для этого надо было сплотить общественные силы страны. Это было упущено, и год пропал; и все потому, что во главе нашего корабля находились одни бездарности канцелярского типа, а не лучшие люди страны. Мы создавали в течение долгих лет не слитое компактное государство, а жандармско-полицейское государство, где действительными самодержцами были: городской, урядник и околоточный надзиратель, а настоящий-то самодержец оказался беспомощен, как ребенок. Результат этого сейчас и сказался. Несмотря на стойкость и храбрость наших солдат, все разбивается из-за недостатков нашего быта».

Мобилизация промышленности нашла отклик и в действующей армии: «Все мы с радостью прислушиваемся к тому, что делаете вы там, – писал П.К. Заремба 2 августа из действующей армии Ю.П. Зарембе в Петроград, – но опасаемся, не слишком ли много слов, комиссий и подкомиссий, не славянская ли это шумиха. Наш враг не кричит, новых министерств не создает, а тихо работает и этой тыловой работой нас давит и давит так, что мы начинаем оглядываться назад, ждать такой же работы у себя в тылу. К чести армии должно сказать, что никто не ропщет, все стойко выносят бремя и ждут облегчения с тыла. Мы мечтаем о том моменте, когда наши пушки будут в состоянии стрелять столько, чтобы не дать дохнуть немцу, как он нам не дает дохнуть теперь».

Автор письма с подписью «П.» из действующей армии от 22 декабря к председателю Московского военно-промышленного комитета П.П. Рябушинскому указывал на необходимость возвращения из армии лиц с техническим образованием: «Многими фабрикантами и заводчиками возбуждены ходатайства о возвращении лиц высшего персонала с техническим образованием, – писал он. – Высшей инстанцией отказано в просьбах фабрикантов и заводчиков. А между тем в действующей армии, в тыловых частях, очень много этих необходимых в такое горячее время техников-специалистов, познания которых до сего времени не сумели использовать. Теперь, как нарочно, приказали всех этих специалистов отправить в пехоту. Обидно за Россию, что в ней все идет вразрез с интересами и успехами на фронте. Ведь у нас нашлись бы прапорщики не специалисты, чтобы заменить лиц с техническим образованием».

Продовольственный вопрос

Рядом с вопросом о снабжении армии всем необходимым, злободневной темой, сильно занимавшей корреспондентов, являлся продовольственный вопрос – снабжение населения предметами первой необходимости и борьба с дороговизной. Разбираясь в причинах недостатка в тех или иных продуктах, корреспонденты не скупились на упреки в адрес правительства, банков, торговцев, Министерства Путей Сообщения, не урегулировавшего подвоза всего необходимого. Некоторые считали все это результатом тайного влияния немцев, как видно из приводимого ниже пространного письма к члену Гос. думы Н.Е. Маркову.

«Запасы имеются в громадном количестве, – писал “пермский обыватель” в письме от 24 марта Московскому Городскому Голове М.В. Челнокову. – Сотни миллионов пудов, не вывезенных за границу, ведь остались у нас, поэтому надо ходатайствовать о том, чтобы правительство лишило права г.г. губернаторов издавать обязательные постановления, воспреещающие вывозить припасы не только за пределы губернии, а иногда из одного уезда в другой. Пермская губерния не знает, что делать с хлебом, а вывоз его запрещен. Москва голодает, а в Рыбинске гниет хлеб. Благодаря губернаторским обязательным постановлениям, Москва может очутиться в положении перемышльского гарнизона и в конце концов дойдет до необходимости капитулировать, но перед кем? Если Москва добьется отмены обязательных постановлений, то ей все привезут с избытком, а цены сами собой нормируются».

«Начальники военных округов и помпадурсы окопались в своих уделах, – жаловался подписчик “Русских Ведомостей” редактору этой газеты в письме из Звенигорода от 29 апреля. – Они поставили заставы и стражи, дабы не вывозили из их уделов в чужие никакой снеди и рухляди, а у себя в уделах установили таксы, ближайшим последствием которых стало исчезновение с рынка продуктов. Нудно читать все благоглупости об искусственных повышении цены и пр., тогда как причина простая: наводнение бумажными деньгами и страшная дороговизна всех не местных продуктов. А последняя тоже имеет простую причину: доставка совершенно прекращена. Багажом высланные товары идут месяцами. Плачут торговцы, плачут потребители. А помпадурсы в таксы играют. Паника, расстройство в обмене, застой, самодурство и своекорыстие властей, которые могут “пускать и держать” по своему произволу небывалые».

«Настала страшная неурядица с подвозом продуктов первой необходимости, – писал А. Малинин 14 октября из Петрограда Т.С. Наследову в Оренбург. – Тут не немцы виноваты, а наша подлая бюрократия в лице министров и Городской думы. Десятки комиссий, комитетов и разных совещаний только

путают дело, противоречат друг другу и тормозят. Мы читаем все эти балаганские революции и в ужас приходим от этого хаоса. Народ доведут до скверного конца, так как царит общее недовольство».

«Торговцы говорят, что дальше нужно ждать повышение цены, а не понижения, – говорил Н. Тимофеев в письме из Петрограда от 15 октября к графу С.Д. Шереметеву в Москву. – Это в то время, когда у нас весь урожай в общем превосходный. Повинно в этом в весьма глубокой степени Министерство всяких сообщений. Накануне зимы хватились усиливать провозоспособность Мариинской системы, а раньше об этом, видимо, не подумали. Вообще, зима здесь предстоит экономически трудная, и это при обилии у нас всего и только ради хамства и умышленной безалаберщины всюду и везде».

«Прежде всего следует признать незаконной и преступной высокую наживу посредников, где их прибыль превышает 9%, – советовал князь А.Г. Щербатов в письме от 4 февраля из Варшавы к П.П. Мигулину в Петроград. – Под это определение должны быть подведены как банки, которые платят по вкладкам 3%, а выдают ссуды из 8%, так и скупщики хлеба, которые купили его по 1 руб., а продают по 1 руб. 30 коп. Относительно вывозного хлеба должна быть установлена высокая пошлина по определенной шкале в зависимости от цен на Лондонском рынке и от фрахта из русских портов. Крайняя мера – реквизиция должна осуществляться неизменно при ближайшем участии представителей земства и городских управлений. Во всяком случае, необходимо, чтобы правительство немедленно приняло бы самые решительные меры борьбы с искусственным повышением цены».

«Не в вагонах дело, – утверждал Симбирский вице-губернатор А. Арапов в письме от 9 ноября из Симбирска А.А. Римскому-Корсакову в Петроград. – ... Для сахарного песку вагонов сколько хотите дают, и он доходит, а с тех же заводов для рафинада вагонов нет. И кроме того, у нас здесь все в руках двух комиссионеров, которые достают сколько хотите вагонов сахара, но лишь при условии получения ими за каждый вагон сверх нормированной цены от 1000 до 2000 руб. Эти комиссионеры делятся с самими заводчиками и от данного завода можно получать сахар только через комиссионеров. Без реквизиции на заводах и в банках дело не наладится».

«Необходимо привлечь к контролю за продавцами самих потребителей, – указывал некий Яблонский в письме из Киева от 6 ноября Н.Е. Фере в Смоленск. – Нельзя возлагать большие надежды на полицию; было бы крайне целесообразно образование участковых советов, имеющих право контролировать в своем районе все продовольственные запасы и выяснять потребность в предметах первой необходимости. Затем необходим городской комитет, которому должны быть предоставлены известные полномочия вроде временной секвестрации и права покупки принудительным путем продуктов по справедливой оценке».

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

«Кругом какая-то оргия взяточничества, казнокрадства и прямого предательства, – жаловался некий А. Гладкий из действующей армии 14 ноября князю А.А. Ширинскому-Шахматову в Петроград. – Всюду берут, всюду нагло просят. Это, конечно, власть имущее, – как бы мала ни была эта власть, хотя бы весовщика. Купечество, это – предатели, хриstopродавцы. Они нагло при всех набивают все свои подвалы и сараи мукой, сахаром, чем угодно, везут, везут, и все это для того, чтобы в свое время ограбить потребителя. Армия бьется и знает про все, что делается сзади ее. Страшно становится, чем все это кончится».

«Наши высшие сановники мало внушают доверие, – жаловался Н. Высотский 20 ноября в письме из Москвы к А.Н. Алфераки в Петроград. – Не спасти Россию таким господам, как Хвостов, Трепов и Ко. Разъедающее зло нашего отечества – колоссальное взяточничество, и от этого большие несчастья. На полях битвы солдаты оказывают геройские подвиги, а в тылу – продажность и грабительство. Где наш хваленый патриотизм? Еще современник Анны Иоанновны генерал Миних изрек однажды: “Очевидно, Россия непосредственно управляется Господом Богом, потому что если бы было иначе, как могла бы она существовать?”».

«Печально и стыдно становится за Родину, глядя, как свои же братья душат обывателя, искусственно возвышая цены на предметы первой необходимости, – писал автор письма с подписью «К.Л.» 11 декабря из Москвы А.А. Веденяпину в Одессу. – Устами обещают рай, а руками в то же время хватают за горло и душат. Я говорю о тех резолюциях об ответственном министерстве, которые с такой помпой вынесла Московская дума. Но кто же вынес эти резолюции? – Купцы и домовладельцы. Они же теперь подняли неимоверно высоко квартирные цены и цены на все жизненные продукты... В военно-промышленных комитетах тоже неблагополучно, в особенности в Московском. А ведь и Городские думы, и комитеты состоят все из лиц, облеченных общественным доверием».

«Борьба с дороговизной ни к каким результатам не приводит, – говорил В.М. Люце в письме из Борисоглебска от 17 декабря к М.Ф. Люце в Петроград. – Местные газеты указывают имена хищников, но ничего не делается. Все покрывают друг друга...»

«Сейчас в Пензу начинается наплыв беженцев, – писал И. Езерский 30 июля из Пензы К.К. Черносвитову в Петроград. – ...Необходимо наладить по всей России бюро труда, чтобы пересылать излишек рабочих туда, где он нужен. Вот вопросы, которые нужно решить без отлагательства».

«Все дороги, все шоссе забыты беженцами со стадами, телегами, – писал из Гомеля 7 августа Л.К. фон Боку в Петроград. – Жалуются, но не ропщут. Все проклинаят немца, нет мысли, что можно было бы остаться на местах, что с немцами жить можно. И все верят, что это временно, что “его”

выгонят, что “его” побьют и что русскому мира просить не годится. Это коренной русский народ, и это чувствуется. Только бы приняли их, устроили бы их, отплатили бы им их страдания. Это упорное нежелание остаться у “него”, видя их твердую веру в окончательную победу над “ним” – приходишь к заключению, что целый мир нас не устрашит»...

Прошло 100 лет, и сегодня до боли знакомые проблемы по-прежнему волнуют теперь уже наших современников, пытающихся преодолеть те самые мрачные стороны русской действительности, о которых с такой тревогой и болью писали их предшественники.